

- Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
- Топоров В. Н. Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть I. М., 1993.
- Философская энциклопедия. В 5-и тт. М., 1960–1970.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990.
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990.
- Шпет Г. Г. Сочинения. Т. 1. М., 1989.
- Шпет Г. Г. Philopsohia Natalis. Избранные психологические труды. М., 2006.
- Шпет Г. Г. Искусство как вид знания: Избр. труды по философии культуры. М., 2007.

С. Л. РУБИНШТЕЙН И ШКОЛА Д. Н. УЗНАДЗЕ

И. Имедадзе

Жизненные пути С. Л. Рубинштейна и Д. Н. Узнадзе едва ли часто пересекались, хотя они наверняка знали и уважали друг друга. Систематическое общение и сотрудничество на уровне некоторых представителей их научных школ началось позже, уже после ухода из жизни лидеров-основателей. Взаимный интерес возник в 1960–1970-е годы, особенно ярко проявившись в работах К. А. Абульхановой-Славской и А. С. Прангишвили. В 1980-е годы сотрудничество достигло довольно высокого уровня, чему в немалой степени способствовали тесные научные и личностные связи между двумя академическими институтами психологии страны, которые были центрами научных традиций школ Рубинштейна и Узнадзе.

Из всех вариантов «советской психологии» ближе всех к концептуальным построениям Узнадзе – по духу и отчасти по букве – стоит система взглядов Рубинштейна. В какой-то мере это, наверное, связано и с некоторыми научно-биографическими фактами. Во-первых, и Рубинштейн, и Узнадзе получили высшее образование в Германии (Узнадзе, в частности, учился у таких корифеев, как Вундт, Барт, Крюгер, Фолькельт, Шпрангер); оба защитили докторские диссертации по философии и в начале своей научной карьеры выступали в качестве профессиональных философов. Рубинштейн продолжал заниматься философией и в дальнейшем, свидетельством чему – написанный перед смертью блестящий философский трактат «Человек и мир». Узнадзе после докторской работы по Вл. Соловьеву (1909) в десять лет пишет целый ряд прекрасных философских статей, окрещенных у нас «экзистенциальными» («Индивидуальность и ее генезис», «Философия войны», «Смерть», «Органическое мировоззрение» и пр.), совершенно незнакомых, увы, широкой научной (в том числе российской) общественности и, как нам кажется, должным образом еще не оцененных и в самой Грузии. Чуть позже к ним добавились историко-философские труды, посвященные Лейбницу и Бергсону.

В первой половине двадцатых годов его философские искания прекращаются.

Такое случайно не происходит и должно иметь серьезные основания. Дело в том, что именно в это время совершается коммунистическая оккупация Грузии. Привыкший к европейскому свободомыслию философ не находит возможным подстраиваться под официальную идеологическую доктрину, мало соответствующую его мировоззренческой позиции. Об этом свидетельствуют его философские произведения, в которых марксизм никак не фигурирует. Более того: как явствует из его анализа представлений Соловьева, Бергсона и Лейбница, он достаточно критически относится к материализму вообще. Очень высоко оценивая принцип творческой активности Лейбница, Узнадзе, в частности, пишет: «Природа не любит и не может повторяться. Она постоянно созидает новое. Такое для всех понятное соображение стало исходным пунктом философии Лейбница для постановки действительно непреодолимого аргумента против материализма» (Узнадзе, 1984, с. 224). В сфере философского мышления Узнадзе склоняется к «органичному мировоззрению». «Каждое философское представление имеет определенное преимущество перед другими. Однако это преимущество отягощается некоторыми темными сторонами, в силу чего определенное мировоззрение остается неприемлемым. История философии представляется, прежде всего, постепенным освобождением от этих темных сторон и развитием преимуществ, элементов истины, в той или иной степени присутствующих в каждой философской теории» (там же, с. 161). Характеризуя систему Соловьева, Узнадзе пишет, что в ней сделана попытка объединения радикально отличающихся подходов: теизма и пантеизма, монизма и дуализма, оптимизма и пессимизма, интуитивизма и рационализма, идеализма и реализма. Завершением этой оценки звучат последние слова монографии: «Он благородный мыслитель». Этими словами вполне можно характеризовать философское мышление и самого Узнадзе. Ему присуще приятие каждой разумной идеи, стремление к единству и снятию противопоставлений. По содержанию собственных философских исканий Узнадзе больше относится к философии жизни и экзистенциализму, в гносеологии он, пожалуй, неокантианец, в вопросе соотношения естественных и гуманитарных наук – вундтианец, в онтологии он стоит на позиции «онтологического плюрализма» (Кочорадзе, 1993). Сегодня его мировоззрение в целом можно было бы обозначить как «системный эклектизм» (Олпорт, 1998). Но как далеко стоит оно от марксизма, тем более воинствующего!

Данная мировоззренческая позиция проявилась в ранних психологических представлениях Узнадзе, на разработке которых он сосредоточился в двадцатые годы. Имеется в виду не только так называемая «концепция биосферы», но и некоторые методологические принципы, изложенные в его первых психологических работах, главным обра-

зом – в фундаментальном труде «Основы экспериментальной психологии» (1925). Узнадзе исходил из того, что психология изучает данные в сознании переживания, однако «сами психические переживания не достаточны для уяснения их протекания. Нужно выйти за пределы сознания, однако и физиологические факты не в состоянии предоставить достаточное объяснение своеобразия протекания психических переживаний» (Узнадзе, 1960, с. 160).

Узнадзе обращается к понятию «подпсихическое», полагая, что именно в этой сфере кроется объяснение психических явлений. Постановка данной задачи требует определенного решения основополагающей для любого психологического учения психофизической проблемы. Однако, по его мнению, ни одна из существующих попыток ее решения не выдерживает критики. Именно поэтому и потерпели неудачу предыдущие направления психологии, построенные на нетвердом философском фундаменте. Выход психологии из кризиса и построение новой психологии с необходимостью требует адекватного осмысления этой исходной философской проблемы. В более поздних работах данная проблема была сформулирована в максимально удобном для психологии виде – как методологический принцип опосредования, или постулат непосредственности. Принцип опосредования предполагает замену двучленной схемы: «среда – сознание» на трехчленную, то есть нахождение опосредующего звена. В ранних работах решение этой проблемы Узнадзе усматривал в постулировании некоей новой реальности, связующей физическое и психическое, объективное и субъективное. Данная подпсихическая, или биосферная реальность, перекидывающая мост между физическим и психическим, представляет собой «принцип жизни», «в котором Я (мое состояние) и объективное (внешний агент) встречаются и растворяются в друг друга, в котором различные аспекты субъективного и объективного уничтожаются, становятся не нужными и предстают в виде некоего нерасчлененного единства» (там же, с. 184). Узнадзе полагал, что для нашего сознания, знакомого лишь с полюсами субъективного и объективного, существование такой психофизически нейтральной, снимающей субъект-объектную антитезу действительности, оставалось незамеченным, хотя, по его словам, определенные предположения на этот счет делались некоторыми мыслителями, например, Платоном (в теории анамнезиса), Лейбницем (в концепции предустановленной гармонии). Но приоритет ее открытия Узнадзе оставляет за собой.

На самом деле подобные построения не чужды некоторым восточным философско-религиозным системам. Да и для современной западной философской и научной мысли, стремящейся заполнить субъект-объектную пропасть (особенно после методологических размышлений в квантовой физике), биосферные идеи Узнадзе не кажутся особенно экстравагантными. Но можно представить, как они звучали для правоверных последователей диамата и истмата. Уже в 1932 году

был поставлен вполне квалифицированный «диагноз»: концепция биосферы идеалистична и виталистична. Биологизм и витализм этой концепции просматривается в самом названии, а идеализм – в том, что объяснение психической жизни основывается не на физиологии (мозг) или общественных отношениях, а некой промежуточной реальности, категорически отвергаемой марксизмом. А это значит, что «в основных принципах Узнадзе стоит на явно антимарксистских позициях» (Прангишвили, 1932, с. 81). В дальнейшем, в ходе острейших дискуссий 1950–1960-х годов, в связи с научной ценностью, – вернее, с идеологической корректностью – теории установки, эта оценка неоднократно повторялась, причем нередко распространяясь и на понятие установки как якобы «правопреемника» понятия биосферы. Это, конечно же, полный абсурд, ибо в окончательном варианте теории Узнадзе настойчиво подчеркивается психическая природа установки.

Научное наследие Узнадзе – пример минимального компромисса с официальной советской идеологией. Вообще остается только удивляться, как он с его столь низким «индексом цитирования» классиков марксизма-ленинизма остался невредимым. К тому же, Узнадзе не написал специального исследования типа «марксизм и новая психология», хотя все ведущие психологи страны были обязаны это сделать и сделали. Приводя данные факты, мы не ставим задачу обсуждения философской позиции Узнадзе или же продуктивности марксизма в психологии, благо этот последний вопрос уже достаточно освещен в постсоветской психологии. В данном контексте мы хотим лишь отметить различие мировоззренческих позиций Узнадзе и Рубинштейна, который, несомненно, исходил из марксизма.

Тем не менее, в теоретических построениях этих авторов можно найти не только очевидные точки соприкосновения, но и немало общего. Возьмем хотя бы тот же принцип (или постулат) непосредственности. Задача его преодоления, или, как ее обозначил А. Г. Асмолов, «задача Узнадзе» (Асмолов, 1979), стояла не только перед Узнадзе, но и перед представителями деятельностного подхода, причем в обоих его вариантах, то есть в школах С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. Леонтьев прямо говорит о том, что своей теорией решает именно эту роковую, по выражению Узнадзе, для психологии задачу. Его решение, как известно, состояло в том, что между воздействиями на рецепирующие системы и ответными субъективными и объективными явлениями помещалась деятельность. Это решение не нашло понимания среди грузинских психологов, поскольку в их представлении единство субъективного (психического) и объективного (моторного) и есть сама деятельность; следовательно, получается, что деятельность опосредуется деятельностью. Леонтьев указывает и на другие попытки решения данной задачи, в частности, исходящие из факта зависимости внешних воздействий от их преломления субъектом, от психологических «промежуточных переменных» (Толмен и др.), характеризующих его

внутреннее состояние. Леонтьев полагает, что знаменитая формула Рубинштейна – «внешние причины действуют через внутренние условия» (Рубинштейн, 1957, с. 226) – выражает именно такой подход к преодолению постулата непосредственности.

Сопоставляя свои взгляды с данной концепцией деятельности, Леонтьев далее пишет: «Конечно, формула эта является бесспорной. Если, однако, под внутренними условиями подразумеваются текущие состояния субъекта, подвергающегося воздействию, то она не вносит в схему S–R ничего принципиально нового» (Леонтьев, 1977, с. 76).

Думается, что под этой оценкой подписались бы и Рубинштейн, и Узнадзе. Но неверно представлять дело так, что, поскольку «текущие состояния», то есть психические процессы и явления, не могут опосредовать самих себя, единственной кандидатурой на роль опосредующей инстанции является деятельность. Это не так. Опосредствующим звеном между психикой, включенной в деятельность, и средой выступает субъект деятельности. В этом и заключается так называемый субъектный подход, в противоположность субъективному, которым грешила старая психология. Главное вслед за этим не сводить субъекта к сумме субъективных (психических) явлений и состояний.

Именно об этом настойчиво предупреждал Узнадзе. Психологи, говорил он, не раз обнаруживали новые, никем еще не замеченные феномены, но в дальнейшем всегда выяснялось, что мы имеем дело лишь с какой-то разновидностью все тех же знакомых познавательных, эмоциональных или волевых явлений сознания. «Не было еще случая, чтобы кто-нибудь серьезно сделал попытку прорвать обычные границы и констатировать наличие чего-нибудь принципиально отличного от всего того, что традиционно было установлено в ней. И это касается не только содержания психической активности, но то же следует сказать и о личности, поскольку основными, то есть первичными данными, считались обычные классы психической жизни, и при вопросе о личности по необходимости приходилось довольствоваться этими же фактами» (Узнадзе, 1961, с. 170). Следовательно, отказ классической психологии допустить существование какой-либо формы психики, отличающейся от всех знакомых явлений сознания, «привел традиционных представителей нашей науки к фактическому отрицанию существования целостного, активного субъекта психической жизни и сведению понятия личности к совокупности ее психических переживаний» (там же).

Такое положение вещей остается в силе даже там, где понятие субъекта, личности рассматривается самым серьезным образом. О невозможности игнорирования субъекта психической жизни говорил еще Гегель, имея при этом в виду сознание или самосознание. В том же духе решает вопрос и Вундт. Он отождествляет субъекта с совокупностью психических явлений, полагая, что иное понимание приводит к субстанционализации субъекта. Вроде бы именно это происходит

в персонологии Штерна, но на самом деле, характеризуя персону, он по существу ограничивается обычными психическими феноменами, «сдабривая» их некоторыми метафизическими построениями. Таким образом, анализ показывает, что субъект в классической психологии либо полностью игнорируется, либо целиком сводится к известным содержаниям сознания. «Отсюда очевиден вывод: для классической психологии субъект, Я, личность по сравнению с психическими процессами не дает ничего нового. Новым является лишь слово „субъект“... Однако признание факта взаимоотношения между действительностью и понятым таким образом субъектом совершенно не означает отказа от принципа непосредственности» (Узнадзе, 2000, с. 179).

Узнадзе и Рубинштейн стоят на противоположной этому позиции. Отвергая «бессубъектную психологию», они начинают анализ именно с понятия субъекта. Узнадзе прямо утверждает, что решить задачу преодоления постулата непосредственности можно, только введя в систему анализа субъекта реального действия. Так же, очевидно, следует понимать и Рубинштейна, когда он говорит о предметно-субъектной соотношенности, единство которых «выражается в том, что сознание – это всегда специфическое отношение субъекта к предметному миру» (Рубинштейн, 1935, с. 43). С другой стороны, «Рубинштейн строит систему связей психики, сознания и деятельности, опосредованную личностью как субъектом этой связи» (Абульханова-Славская, 1989, с. 34). Таким образом, субъект помещается в центре всей системы связей, предусмотренной трехчленной схемой анализа.

То, что принцип субъекта отстаивали именно Рубинштейн и Узнадзе, подтверждают и последователи Рубинштейна. Так, А. В. Брушлинский отмечает, что в психологической литературе фундаментальная проблема субъекта «наиболее глубоко разработана в трудах С. Л. Рубинштейна и Д. Н. Узнадзе, отчасти Б. Г. Ананьева и некоторых представителей гуманистической психологии» (Брушлинский, 1996, с. 5). Однако автор не разъясняет, в чем состоит различие между этими «субъектными подходами». В рубинштейновской интерпретации, по-видимому, этот подход принимает форму личностного подхода, ибо субъект приравнивается к личности (человеку), Узнадзе же полагает, что субъектом может выступать любой «исполнитель поведения», то есть как человек, так и животное (Узнадзе, 1961)*.

* Узнадзе употреблял термины «индивид» и «субъект» в качестве синонимов, подразумевая прежде всего целостность «исполнителя поведения» и его установочного модуса (индивид на латыни означает «неделимое»). Понимание необходимости размежевания этих понятий пришло позже, главным образом – в трехуровневой модели Ш. А. Надирашвили (Надирашвили, 1987). Субъект обнаруживает себя в противопоставлении с объектом, тогда как на уровне индивида этого не происходит. Это не означает, что индивид пассивен и лишь реагирует на воздействия. Психика изначально носит направленный, селективный, то есть активный, характер. Индивид – «актор»

Подобная постановка вопроса имеет вполне понятную логику. Принцип опосредованности – универсальный принцип. Опосредованию подлежит любая форма связи между средой и психикой и самими психическими явлениями. Если у животных есть психика, то и она должна быть опосредована. А поскольку опосредующим звеном выступает субъект, то его нельзя отождествлять с личностью.

Однако даже при сужении понятия субъекта до понятия личности (человека) остается в силе основная нить рассуждений Узнадзе, в которых фактически происходит конкретизация субъектного подхода в установочный. Дело в том, что Узнадзе задается вопросом о психологической форме существования этого субъекта. Как можно осмыслить определенность состояния субъекта в каждый данный момент его существования? Без ясности в этом основополагающем вопросе декларация принципа субъектности может остаться декларацией о намерениях.

Начиная поиск соответствующего этой задаче понятия (и, следовательно, реальности), Узнадзе отталкивается от исходных положений принципа опосредования, гласящих, что в процессе взаимоотношений субъекта и действительности последняя влияет не непосредственно на психику или поведение, а на субъекта как целое. Целостность – вот исходный пункт, с которого начинается анализ формы (модуса) существования субъекта. Человек как целое является не суммой психики и тела, психического и физиологического, не их соединением, то есть неким психофизическим существом, а самостоятельной своеобразной реальностью, имеющей свою специфическую определенность и свои специфические закономерности. И при воздействии действительности на субъекта он как целое отвечает на это воздействие, как специфическая, своеобразная реальность, предшествующая частному – психическому и физиологическому – и не сводимая к ним (Узнадзе, 2000). Субъект как целое характеризуется общими закономерностями, не сводимыми к специфическим закономерностям частных функций (восприятия, мышления, эмоций, воли и т. д.). У этих последних есть свои закономерности, но они носят на себе печать субъекта психики (деятельности). Субъект не есть совокупность психических функций. Изучая функции, функциональная психология совершенно потеряла самого субъекта психики, на что неоднократно указывали и Рубинштейн, и Узнадзе. Нельзя, скажем, образ восприятия квалифицировать как состояние, как качественную определенность субъекта. Однако существование образа возможно лишь при условии определенного состояния субъекта. «Именно это состояние субъекта в данный момент

импульсивного, непризвольного поведения, а субъект – произвольного, осознанного. *Объективируя* себя и действительность, субъект устанавливает с этой последней познавательные отношения. Субъект – это мыслящий индивид, а личность – субъект волевой деятельности. Это субъект, живущий и действующий в «аксеологическом пространстве», в соответствии с общественными нормами и ценностями.

и есть то, что в теории установки обозначается термином „установка“. Установка есть модификация, модус субъекта психики, его целостное видоизменение (видоизмененность, качественная определенность)» (Абашидзе, 1956, с. 27).

Трудно однозначно сформулировать ответ обеих теорий деятельности на вопрос, поставленный Узнадзе: каким понятием или понятиями можно описать модус существования целостной личности, выступающей в роли субъекта, автора данной деятельности. Ее нельзя, как уже было сказано, свести к сумме познавательных, эмоциональных и мотивационных образований и процессов, невозможно описать в терминах сознательной психики. Понятие же установки этим требованиям отвечает. «Установка не может быть отдельным актом сознания субъекта, она лишь модус его состояния как целого <...>. Само собой разумеется, что целостное состояние не отражается в сознании субъекта в виде его отдельных, самостоятельных переживаний» (Узнадзе, 1961, с. 178).

Здесь мы подходим к весьма существенному пункту, с которого четко просматривается различие концептуальных систем Рубинштейна и Узнадзе. По сути теория Узнадзе представляет собой теорию бессознательного, поскольку установка – явление бессознательное. В данном случае неважно, какова ее онтологическая природа, является она биосферной, психофизиологической или психической*. Узнадзе, как известно, рассматривал все эти гипотезы и успел остановиться на последней. В данном контексте главное – показать, что узнадзевская постановка задачи опосредования требует выхода за пределы сознательной психики в область бессознательного. Этому же требует и принцип развития, являющийся наряду с принципом опосредования основополагающим для теории установки.

Бессознательным Рубинштейн считает такое переживание, в котором не осознан вызвавший его предмет. Неосознанным является не само переживание как таковое, а то, к чему оно относится. Такие переживания, безусловно, существуют, но можно ли считать их бессознательными? Для большинства психологов такое понимание бессознательного представляется поиском бессознательного в сознании. Таковыми являются любые указания на низшие ступени сознания, слабые или туманные представления и переживания в качестве бессознательных феноменов. Чувство, лишенное определенности на предмет своей причины, представляет собой пример подобного переживания, находящегося в сфере сознания, но никак не бессознательного, поскольку человек «знает» о нем из непосредственного опыта, он его «испытывает». Замеченное нами представление (то есть пережива-

* Пытаясь преодолеть постулат непосредственности, Узнадзе решительно высказывал различные «онтологические гипотезы»; такова была специфика его философского мировоззрения – плюралистического по своей сути, свободного от «монистических императивов».

ние), пусть даже беспричинное, является феноменом сознания. Одним словом, можно сказать, что взгляды Рубинштейна на бессознательное не восходят до уровня специальной теории.

В теории же Узнадзе, напротив, система взглядов на бессознательное играет основополагающую роль. Достаточно сказать, что установка относится к сфере бессознательного. Более того, она принципиально бессознательна. Это положение вызывает неприятие многих оппонентов и даже некоторых представителей самой школы Узнадзе (Надирашвили, 1987). Однако оно – не прихоть автора теории, а логическая необходимость. Ведь, как справедливо замечает Узнадзе, сознание не знает других содержаний, кроме обычных психических явлений и функций (представления, чувства, мотивы и др.). Но именно они и опосредуются субъектом в модусе установки, представляя собой по сути «органы» или «орудия» живого индивида, но ни в коей мере не выражая субъекта как целое. В известной сознанию психике таких явлений не существует вовсе. Даже наиболее «целостные» из них – эмоции – не могут претендовать на «звание» модуса действующего субъекта. Таким образом, коль скоро задача опосредования остается в силе, то опосредующее звено должно представлять собой явление, качественно отличающееся от сознательных психических фактов, не сводимое к ним и их же определяющее. Эту роль лучше всего возложить на установку, «динамическую структурную единицу целостно-личностного измерения» (Прангишвили, 1975, с. 42), являющуюся отражением ситуации и потребности в форме бессознательного состояния готовности к осуществлению поведенческих и сознательных актов, то есть деятельности.

Конечно, можно и не соглашаться именно с такой теоретической конструкцией. Однако необходимо учитывать, что она логически вытекает из метанаучных задач, стоящих перед теорией установки, методологических принципов, задающих вектор исследования (прежде всего – теоретического, а затем экспериментального). Поэтому нельзя принимать «задачу Узнадзе», полностью игнорируя ее авторское решение. Рубинштейн его не игнорировал, но принимал лишь некоторые его моменты. Есть основания полагать, что Рубинштейн в полной мере считался с экспериментальной частью психологии установки. В своем знаменитом учебнике «Основы общей психологии», изданном, кстати, в том же году, что и учебник Узнадзе «Общая психология», обсуждая тему иллюзий восприятия, Рубинштейн прямо указывает на опыты Узнадзе и его сотрудников по генерализации установки, доказывающие установочную, то есть центральную, а не периферическую обусловленность так называемых «эффектов Узнадзе» (Рубинштейн, 1940). Рубинштейн со всей серьезностью относился к явлению установки как факту, считая, по всей видимости, его, наряду с другими, одним из феноменов, составляющих те самые внутренние условия, которые опосредуют внешние воздействия.

Оценивая теорию Узнадзе, представители школы Рубинштейна указывают на то, что «в разработке теории установки получили применение те же методологические принципы, которые в советской психологии выделяются как ведущие, – принцип развития и принцип связи психики и деятельности» (Будилова, 1972, с. 178). Действительно, установка теснейшим образом связана с деятельностью; более того, согласно Узнадзе, она «является самым важным моментом в деятельности человека, самым основным, на котором она – эта деятельность – строится» (Узнадзе, 1961, с. 119). Принцип связи психики и деятельности у Рубинштейна получает вид принципа единства сознания и деятельности. С таким же успехом Узнадзе мог сформулировать принцип связи или даже единства бессознательного и поведения, поскольку конечным и основным механизмом психической регуляции деятельности он считал установку, то есть явление бессознательное. Из нее, из этой основы, представляющей собой единство внешних и внутренних условий активности, произрастает конкретная деятельность со своим сознательным компонентом. Сознание и деятельность вторичны по отношению к бессознательному психическому (то есть к установке). Так полагал Узнадзе. Поэтому его концепция представляет собой общепсихологическую теорию, построенную на четырех основополагающих категориях, расположенных в следующей последовательности: «бессознательное–поведение (деятельность)–сознание–личность». Система Рубинштейна, по существу, обходится последними тремя. А значит, когда Узнадзе говорит, что «сознательные процессы далеко еще не исчерпывают всего содержания психики, и поэтому возникает необходимость признания процессов, протекающих вне сознания» (Узнадзе, 1961, с. 41), – это не то же самое, что и аналогичные высказывания Рубинштейна, например: «бытие психического не исчерпывается его данностью сознанию» (Рубинштейн, 1940, с. 9). Дело в том, что, концептуализируя эти протекающие вне сознания процессы через понятие установки, Узнадзе утверждает, что каждый акт поведения и сознания предворяется бессознательной установкой. А это как раз и оспаривается деятельностным подходом.

Выступая на московском совещании по вопросам психологии установки в 1955 году, Рубинштейн высказал несколько серьезных соображений. Ставя вопрос об установке, он подчеркнул разработанный им методологический принцип детерминации деятельности внешними причинами через внутренние условия. Относя установку к этим внутренним условиям, он обращается к вопросу, на котором заострил внимание на дискуссии Леонтьев: что первично, деятельность или установка?* Леонтьеву казалось решительно неверным принци-

пиальное положение теории Узнадзе, согласно которому «всякая деятельность вызывается не непосредственно воздействующими объективными условиями, а вызывается ими опосредованно, через особое звено – установку. Первично возникшая в субъекте установка определяет собой направленность и содержание деятельности субъекта и, в частности, его сознательной деятельности, его сознания» (Леонтьев, 1955, с. 77). По его мнению, данная схема противоречит теории отражения, рефлексорному пониманию психики, согласно которому адекватные внешние воздействия на организм вызывают ответные реакции последнего. Но ведь это и есть принцип непосредственности, преодоление которого, как было сказано выше, стало отправной точкой построения теоретической системы самого Леонтьева.

Нет здесь места и для субъекта деятельности в качестве опосредующего звена, без чего трудно представить систему взглядов Рубинштейна. Очевидно, поэтому его позиция и была менее радикальной и более сбалансированной. Сергей Леонидович отметил, что примат деятельности по отношению к установке «не может быть превращен в нечто абсолютное», поскольку «все же в ходе каждой деятельности <...> каждое действие находит уже сложившуюся установку, так что функционально установка бывает первичной, а действие вторичным. И это верно. Но все-таки генетически и принципиально действие, взаимодействие и опыт – первичны, а установка – вторична. Внешнее действует через внутреннее, но само внутреннее формируется в результате внешних воздействий, в процессе взаимодействия с внешним миром» (Рубинштейн, 1955, с. 92).

Доброжелательный и строго научный, а не идеологический характер рассуждений Рубинштейна был сразу отмечен грузинскими участниками дискуссии. С точки зрения теории установки данная позиция нашла принципиальное понимание (Прангишвили, 1955). Во-первых, тезис о вторичности установки по отношению к деятельности прямо относится к такой ее разновидности, как так называемая «фиксированная установка». В широком смысле она является результатом повторения, научения, то есть результатом определенной активности, а потому принципиально вторична. Во-вторых, тезис о генетической вторичности установки правомерен также, если иметь в виду факторы установки. Действительно, потребности человека (особенно так называемые «высшие») и среда его обитания (ситуация) имеют «культурное происхождение» и, следовательно, являются результатом человеческой деятельности. В этом смысле установку можно считать вторичным по отношению к деятельности явлением (имея в виду антропогенез, социогенез и онтогенез). Но филогенетически, коль скоро установка, как считал Узнадзе, представляет собой «принцип жизни», основополагающий механизм поведения, она не может быть однозначно вторичным явлением. Ведь принципиально невозможно, чтобы сначала возникло психофизическое явление, процесс (деятельность) и только

* Данный вопрос стал центральным в ходе весьма продуктивных дискуссий 1980-х годов между «деятельностниками» в лице продолжателей линии Выготского–Леонтьева и «установочниками» из Тбилиси.

после этого – механизм его реализации. Установка есть неотъемлемая сторона поведения (деятельности). Даже самое примитивное поведение изначально подразумевает установочный механизм. Таким образом, легко убедиться, что осмысление вопроса соотношения установки и деятельности с точки зрения филогенетического развития приобретает вид дилеммы яйца и курицы.

Отстаивая тезис первичности установки, Узнадзе и его последователи, в сущности, утверждают, что психическая деятельность начинается с ее бессознательной формы. Едва ли можно отрицать, что бессознательная психика предшествует ее сознательной разновидности. Принцип развития и генетический метод, будучи методологической основой системы взглядов Рубинштейна, требует обратить взор к самой первой ступени психической жизни, которая никак не может быть сознательной. Именно так поступил Узнадзе, постулируя установку в качестве первичной формы организации психической деятельности, в обязательном порядке предваряющей и подготавливающей сознательную психическую деятельность. Это распространяется не только на филогенетические, исторические и онтогенетические линии развития, но и, что особенно важно, на так называемый актуалгенез. Это означает, что поведение любого уровня и вида предваряется специальным психическим механизмом, определяющим его возникновение и осуществление. На уровне актуалгенеза сознательная психика подключается к регуляции деятельности для решения проблем, с которыми не справился первичный бессознательный установочный механизм (модель объективации). Сознание дополняет этот механизм новым, ранее не отраженным содержанием, необходимым для осуществления целесообразного поведения.

Итак, принцип связи психики и деятельности и принцип развития приводят не только к констатации существования бессознательной психики, но и к мысли о необходимости создания развернутой теории бессознательного, в которой оговариваются природа и функции данной сферы психического.

В своем выступлении Рубинштейн дал положительную оценку понятию установки и работе грузинских коллег. Вместе с тем он сформулировал аргумент против «универсализации» понятия установки, основанный на том соображении, что психические явления должны быть объяснены системой понятий, а не одним понятием. «Понятие установки становится ключом для того, чтобы открыть все двери и решить все проблемы. От такого рода „универсализации“ понятия установки надо отказаться, и в этом смысле отказаться от психологии установки» (Рубинштейн, 1955, с. 91). Кстати, об «универсализации» говорили и другие. Видимо, данный момент явился сильнейшим раздражителем. В. С. Мерлин даже усмотрел стремление к психологическому империализму концепции установки. Представители школы Узнадзе дали аргументированные разъяснения по этому поводу. Здесь не место

вдаваться в подробности данной полемики. Однако, поскольку вопрос касается методологии построения теории, а психология поныне остается наукой конкурирующих теорий, то вопрос продолжает быть актуальным, особенно в свете популярного сегодня системного подхода.

Следует различать, с одной стороны, явление (процесс) как систему взаимосвязанных переменных, или единиц, составляющих его структуру и, с другой стороны, систему понятий, описывающих и объясняющих явление (процесс) или сферу действительности. Каждая теория, конечно, является системой понятий. Но теории тем и отличаются друг от друга, что одно понятие или очень ограниченное их количество помещается в центр системы, а все остальные рассматриваются под определенным углом зрения. Об этом говорит само название концепций: «рефлекторная теория», «гештальтпсихология», «теория поля», «теория деятельности» и т. д. В этом смысле теория установки ничем не отличается от других масштабных концепций.

Общепсихологические теории большого масштаба «универсальны» в том смысле, что своей концептуальной системой покрывают большой отрезок реальности. Но и в этом случае должно быть стержневое (системное) понятие, образующее систему данной теоретической конструкции. В этом качестве более всего уместно видеть понятие, отображающее «опосредующее звено». Для Рубинштейна это – субъект (личность), для Узнадзе – установка как модус субъекта.

Что касается системного характера самих изучаемых явлений, имеющих различный уровень структурно-функциональной сложности, то анализ в обязательном порядке ставит вопрос о детерминации данных систем. В связи с этим в широко распространенном ныне «системном подходе» появилось понятие «системообразующего фактора», оказавшееся весьма эвристичным. Пристальное внимание на него обратил видный психолог, определенно примыкающий к рубинштейновскому направлению, Б. Ф. Ломов. Ломов полагает, что понятие «системообразующего фактора» является чрезвычайно важным для понимания причинно-следственных связей в деятельности. Согласно его точке зрения, в качестве системообразующего фактора деятельности могут выступать мотивы, цели, задачи, установки, отношения, эмоции и т. д. (Ломов, 1984). По мнению Ф. В. Бассина, системообразующим фактором деятельности всегда является установка (Бассин, Прангшвили, Шерозия, 1979). В ответ на это, отстаивая плюралистический подход, Ломов полагает, что, хотя установка и представляется одним из наиболее конструктивных и сильных понятий психологии, все же слишком смело считать ее единственным системообразующим фактором деятельности.

Чтобы разобраться в этом вопросе, надо уяснить, что собственно подразумевается под термином «системообразующий фактор». Если имеется в виду просто некий фактор, который наряду с другими образует какую-то систему, скажем, поведение, являясь его структур-

ным элементом, то плюралистический подход можно считать единственно возможным. В этом случае каждый компонент системы будет наречен системообразующим фактором, причем таковых окажется достаточно много. Но нужно ли для их обозначения вводить новый термин? Если же под системообразующим фактором понимать именно то, что определяет явление упорядоченного взаимодействия между множеством компонентов системы, то говорить о множественности таких факторов будет не только очень трудно, но и вряд ли возможно.

Именно так понимал системообразующий фактор П. К. Анохин, который, кстати, и ввел в науку данное понятие, настоятельно подчеркивая, что «должен быть конкретный фактор, который „упорядочивает систему“» (Анохин, 1975).

В полной мере сказанное относится к поведению (деятельности) как системе со сложным строением и структурой. Поэтому цель поиска системообразующего фактора должна состоять не только в решении описательной, по сути, задачи обнаружения всех структурных элементов или факторов поведения (назовем их по аналогии системосоставляющими факторами), но и задачи объяснительной – в выявлении реального, конкретного фактора, объединяющего все найденные структурные компоненты в систему, называемую деятельностью или поведением, и обеспечивающего организованность их взаимосвязи, или, что то же самое, целесообразность поведения.

Согласно Узнадзе, структуру поведения, ее упорядоченность определяет установка. Интересно, что в этом же духе решает вопрос и Ломов, полагая, что ответ следует искать в теории установки Узнадзе. «Именно установка представляет собой целостное состояние мобилизованности индивида на определенное действие, обеспечивающее объединение всей системы включающихся в него психических процессов» (Ломов, 1984, с. 227). Но ведь это и есть, согласно предложенному пониманию, системообразующий фактор деятельности. Таким образом, «кандидатура» установки на данную роль представляется вполне обоснованной.

Разумеется, каждая общая теория поведения предлагает собственную «кандидатуру» на эту роль, что, в сущности, и служит отличительным признаком теорий. В концепции К. Левина это, очевидно, «жизненное пространство», а в поведенческом когнитивизме – сознательные структуры, скажем, цель и план, и т. д. В этом смысле они, как и понятие установки, могут быть признаны универсальными.

Однако можно пойти еще дальше. С точки зрения общепсихологической теории (а не только психологии поведения) на передний план выходит выявление системообразующего фактора всей психической системы. Системообразующим фактором в этом случае должно быть явление, играющее в психической жизни предопределяющую роль. В теории установки данная роль отводится установке. «Исходный пункт психологии, согласно этой теории (и в этом вопросе она полнос-

тью солидарна с основными позициями других советских психологов), составляют не психические явления, а сами живые индивиды, у которых имеют место эти психические явления... Поэтому и психология должна исследовать в первую очередь субъекта, личность как целое» (Смирнов, 1975, с. 280).

Конечно, можно по-разному понимать психологическую форму выраженности целостности субъекта, но то, что при построении общепсихологической теории надо исходить из системообразующего понятия такого уровня, не вызывает сомнений не только у А. А. Смирнова, а должно быть приемлемо для любой «субъектной» психологии. Предельно точно выразила это К. А. Абульханова-Славская: «Концепция установки Д. Н. Узнадзе представляла собой новую мировоззренческую парадигму, в рамках которой удалось дать принципиально новую интерпретацию предмета психологии и охватить единым объяснением уровни и психики, и личности, и активности, уровни сознательного и бессознательного. Монизм философско-методологической интерпретации предмета психологии, выразившийся в принципе установки, соединился с выявлением многообразия механизмов и закономерностей активности психики (Абульханова-Славская, 1986, с. 6). Как видим, универсализация понятия установки оборачивается монизмом принципа установки, позволяющим охватить единым объяснением все ключевые категории психологии – психику, бессознательное, сознание, личность, активность.

Отмеченные преимущества концепции Узнадзе, пишет далее Абульханова-Славская, обернулись определенными трудностями в связи с некоторой обособленностью от других направлений психологии. Принятие отдельных частей теории требовало принятия всей ее логики, а согласие с ее логикой предполагало отказ от своей. Это отчасти верно. Однако опыт показывает, что, когда речь идет о коммуникации различных научных школ, от своей логики никто никогда не отказывается. Но тот же опыт убеждает, что общение и сотрудничество всегда идет на благо делу. Это, несомненно, верно и в случае психологических школ Рубинштейна и Узнадзе. Остается только надеяться, что это общение и сотрудничество будут продолжены и в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашидзе Э. К. О понятии установки // Вопросы психологии. 1956. № 4.
Абульханова-Славская К. А. Категория объективации в теории установки Д. Н. Узнадзе // Д. Н. Узнадзе – классик советской психологии. Тбилиси, 1986.
Абульханова-Славская К. А. Принцип субъекта в концепции С. Л. Рубинштейна // С. Л. Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979.
Бассин Ф. В., Прангшвили А. С., Шерозия А. Е. К вопросу о дальнейшем развитии научных исследований в психологии (К проблемам установки, бессоз-

знательного и собственно психологической закономерности) // Вопросы психологии. 1979. № 5. С. 82–96.

Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М., 1996.

Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.

Кочорадзе Б. Систематологический анализ теории Д. Узнадзе по метаизмерению. Дис. ... канд. психол. наук. Тбилиси, 1993 (На груз. яз.).

Леонтьев А. Н. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии // Вопросы психологии. 1955. № 6.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. Тбилиси, 1987.

Олпорт Г. Горечь и сладость плодов эклектизма // Личность в психологии. М., 1998.

Прангшвили А. С. Об одной системе идеализма в психологии: («Биосферная психология» Д. Узнадзе) // Коммунистическое воспитание. 1932. № 5–9 (На груз. яз.).

Прангшвили А. С. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии // Вопросы психологии. 1955, № 6, с. 99–108.

Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С. Л. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии. Вопросы психологии. 1955. № 6.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.

Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

Узнадзе Д. Н. Основы экспериментальной психологии // Труды. Т. 2. Тбилиси, 1960.

Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы теории установки. Тбилиси, 1961.

Узнадзе Д. Н. Индивидуальность и ее генезис // Узнадзе Д. Философские труды. Тбилиси, 1984 (На груз. яз.).

Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки // Антология гуманной педагогики: Узнадзе. М., 2000.

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ (УКРАИНСКАЯ ШКОЛА)

В. А. Татенко

Сергей Леонидович Рубинштейн 120 лет тому назад начинал свой жизненный и позже – профессиональный путь на Украине. Для нас, украинских психологов, этот факт небезразличен, и отнюдь не по каким-то националистическим мотивам, а по соображениям пользы, которую могут обрести братские народы в результате свободного обмена интеллектуальными, культурными и человеческими ресурсами. Так уж сложилась история отечественной научно-психологической мысли, что никакие политические разногласия и экономические неурядицы не могут воспрепятствовать дальнейшему развитию по-своему уникального пространства теории и методологии психологической науки, созданного совместными творческими усилиями С. Л. Рубинштейна, Г. С. Костюка, Л. С. Выготского и Д. Н. Узнадзе, а также многих других лидеров нашей совсем еще недавно общей психологической школы.

Из истории вопроса о человеке как субъекте

Особое место в творчестве С. Л. Рубинштейна занимает разработка философско-психологической теории человека как субъекта жизнедеятельности. Знаменателен сам переход, восхождение от понимания психического как субъективного к его субъектному определению: «Именно субъектность, а не субъективность, по мнению Рубинштейна, должна вскрыть специфику гуманитарной методологии, имеющей дело со своим типом детерминации, связанным с ценностью этих знаний», – отмечает К. А. Абульханова (Абульханова-Славская, 1977, с. 13). Субъекту в онтологической структуре бытия были отведены место и роль «центра его перестройки»: «Субъект своим познанием и действием конституирует бытие» (там же, с. 15). Тем самым понимание причинности мира сближается с пониманием причинности как активности субъекта.

Начало субъектным изысканиям С. Л. Рубинштейна, как принято считать, положила опубликованная им в 1922 году работа под назва-